

АНАТОЛИЙ КЛЕПОВ

Золотое сечение демократии

Роман о современных выборах

Анатолий Клепов

**Золотое сечение демократии.
Роман о современных выборах**

«Автор»

2026

Клепов А.

Золотое сечение демократии. Роман о современных выборах /
А. Клепов — «Автор», 2026

Выборы проходят каждые пять лет. Явка высокая. Победитель известен заранее. Международные наблюдатели довольны. Республика К. — где-то в Африке. Здесь всё решает система электронного голосования под управлением ИИ. Она всегда выдаёт ровно 74% — цифру, при которой мир молчит и продолжает давать кредиты. Русский криптограф Воронов оказался внутри этой машины — не по убеждению, по контракту. Он видит всё. И молчит. Это тоже выбор. Мальчик на городской свалке собрал из обломков электроники свой ИИ, который считает честно. Другие требуют бумажных бюллетеней — потому, что бумагу хотя бы видно, когда жгут. А где-то в длинной очереди к избирательной урне стоит обычный человек. И думает — зачем я здесь?

© Клепов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ АБСУРДА	5
ГЛАВА 2. ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ	16
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	16
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анатолий Клепов

Золотое сечение демократии.

Роман о современных выборах

ГЛАВА 1. ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ АБСУРДА

Самолёт коснулся полосы с грацией холодильника, сброшенного с пятого этажа, и Алексей Воронов понял, что объявление «добро пожаловать в Республику К.» было не приветствием, а предупреждением.

Жара ударила ещё в рукаве телетрапа — вернее, телетрапа не было, был трап обычный, металлический, раскалённый до состояния сковороды, и жара ударила прямо на верхней ступеньке. Она не была похожа на московскую жару, которая приходит в июле, извиняется и уходит. Эта жара жила здесь всегда. Она была хозяйкой. Она встречала гостей у трапа и сразу, без церемоний, сообщала, кто здесь главный.

Алексей спустился, поправил рюкзак с ноутбуком и встал в очередь на паспортный контроль. Очередь существовала в особом агрегатном состоянии — не в твёрдом, не в жидком, а в философском. Она не двигалась, но и не стояла. Она пребывала. Люди в ней не ждали — они жили: ели, спали, торговали жареными бананами, крестили детей и обсуждали футбол. Где-то в середине очереди мужчина в костюме продавал зонты от солнца тем, кто стоял ближе к окнам, и его бизнес, судя по всему, был многолетним и потомственным.

Через два часа сорок минут Алексей достиг будки пограничника. За стеклом сидел немолодой человек в кителе с погонами и смотрел на паспорт Алексея с выражением искренней человеческой радости.

— Россия! — сказал пограничник по-русски, почти без акцента. — Москва?

— Москва, — осторожно подтвердил Алексей.

— Университет дружбы народов, выпуск восемьдесят шестого года! — Пограничник приложил руку к груди. — Инженер-гидротехник. Диплом с отличием. Плотины, водохранилища, ирригация засушливых земель!

Алексей посмотрел на будку, на штамп в руке инженера-гидротехника, на очередь за спиной.

— А... плотины? — спросил он, не удержавшись.

— Плотины нет, — легко ответил пограничник и шлёпнул штамп. — Воды нет, финансирования нет, министерство ирригации есть, но оно занимается экспортом древесины. Зато есть граница. Граница, друг мой, есть всегда. — Он вернул паспорт и понизил голос: — Цель визита?

— Выборы. Я криптограф. Миссия ООН, система электронного контроля голосования.

Пограничник несколько секунд смотрел на него молча, и в этом взгляде сменилось несколько эпох — надежда, опыт, опыт поверх надежды и что-то ещё, очень старое.

— Ноутбук везёте? — спросил он наконец.

— Везу.

— Пронести ноутбук — пять долларов.

— А без пяти долларов?

— Тогда небезопасность, — вздохнул пограничник с интонацией врача, сообщающего диагноз.

Алексей протянул пятёрку. Гидротехник принял её движением столь отточенным, что купюра исчезла, не нарушив ни одного закона физики, кроме закона сохранения.

— Храни Господь ваши серверы, — сказал он серьёзно и махнул следующему.

Это была первая фраза, которую Алексею сказали в Республике К. по существу дела. Позже он будет вспоминать её часто.

В зоне прилёта, среди таксистов, менял и человека с табличкой «МИСТЕР СМИТ И ИЛИ ДЖОНСОН», стояла женщина лет тридцати пяти в безупречно белой рубашке. Рубашка была настолько белой, что в окружающем пейзаже выглядела вызовом — не моде, а энтропии. Женщина держала планшет и табличку «А. ВОРОНОВ / UN MISSION», и по тому, как она держала и то и другое, было ясно: эта женщина за свою жизнь встретила в аэропортах третьего мира больше специалистов, чем иной университет выпустил.

— Амели Дюпон, координатор миссии, — сказала она, протягивая руку. — Долетели?

— Частично, — сказал Алексей. — Часть меня ещё в очереди на паспортный контроль. Говорят, её отдадут к четвергу.

Амели посмотрела на него внимательнее — секунды две, как сканер, — и, видимо, результат её устроил, потому что она почти улыбнулась.

— Машина на парковке. Идти быстро, по сторонам не смотреть, на предложения не отвечать, кроме предложения купить ананас. Ананасы здесь честные.

Белый бронированный джип с эмблемой ООН раскалится до температуры духовки, в которой что-то забыли. Кондиционер в нём работал — единственный, как выяснится позже, исправный кондиционер на ближайшие десять километров, — и Алексей на минуту прикрыл глаза от простого животного счастья.

Город начался сразу за аэропортом и начался весь одновременно: рынки, козы, мопеды с семьями из пяти человек, гофрированное железо, спутниковые тарелки на хижинах, женщины с тазами на головах, идущие сквозь хаос с осанкой королев, и рекламные щиты. Щитов было много, и все они изображали одного и того же человека — немолодого, в маршальском мундире, с улыбкой отца, который любит своих детей, но держит дома ремень. Подписи варьировались: «СТАБИЛЬНОСТЬ», «РАЗВИТИЕ», «БУДУЩЕЕ», и на самом большом щите, у кольцевой развязки, просто: «Я».

— Маршал Жан-Батист Нгомо, — сказала Амели, не отрывая глаз от дороги, по которой навстречу им двигался грузовик с курами, существовавший в обеих полосах сразу. — Отец Нации, Гарант Стабильности, Почётный Доктор сорока трёх университетов, гроссмейстер.

— Гроссмейстер?

— В Республике К. не рекомендуется выигрывать у президента в шахматы. Не законом — законом было бы слишком грубо. Просто не рекомендуется. За двадцать шесть лет не выиграл никто, включая двух приглашённых чемпионов мира. Один из них потом написал мемуары, целую главу — о том, как трудно проигрывать на сорока ходах так, чтобы это выглядело естественно.

— Двадцать шесть лет у власти?

— Шесть выборов. Результаты: девяносто один, девяносто три, девяносто два, девяносто четыре, девяносто три и девяносто три процента. — Амели объехала яму размером с небольшое озеро; на берегу ямы сидел рыбак, и Алексей предпочёл считать это галлюцинацией от джетлага. — В этом году — седьмые. И впервые — под международным электронным контролем. Ваша машина, Алекс, должна сделать их самыми честными выборами в истории страны.

— А почему он вообще на это согласился?

— Хороший вопрос. — Амели притормозила, пропуская через дорогу процессию: человек тридцать в одинаковых жёлтых футболках несли портрет маршала размером с парус. — Задайте его себе ещё раз через неделю. Ответ будет другим.

Алексей смотрел в окно. На обочине мальчишка лет десяти продавал бензин в стеклянных бутылках из-под колы, расставленных пирамидой, и пирамида сияла на солнце, как

инсталляция в музее современного искусства на тему «всё, что может взорваться, однажды взорвётся».

— Вы давно здесь? — спросил он.

— Четвёртый год. До этого Южный Судан, до этого Гаити, до этого Брюссель.

— И как, помогает? Я имею в виду — всё это. Миссии, наблюдатели, системы контроля.

Амели помолчала ровно один светофор (светофор не работал; на перекрёстке стоял регулировщик и дирижировал хаосом с искренним наслаждением художника).

— В Южном Судане у меня в миссии был врач, немец, — сказала она. — Он говорил: мы не лечим, мы свидетельствуем. Иногда этого достаточно, чтобы болезнь вела себя приличнее.

— Она переключила передачу. — А иногда нет. Но вера в ОРАКУЛ дешевле психотерапевта. И накладные проще оформлять.

— ОРАКУЛ?

— Ваш пациент, Алекс. Приехали.

Штаб миссии располагался во Дворце Культуры имени Дружбы Народов — здании, которое Советский Союз подарил Республике К. в 1974 году и которое с тех пор стояло, как стоит человек, переживший всех, с кем он спорил. Бетонные колонны, мозаика во весь фасад: рабочие, крестьяне и космонавт шагали в светлое будущее, расположенное, судя по направлению их шага, строго на северо-запад. Время и осыпавшаяся смальта ампутировали рабочим лица, и теперь они шагали в будущее с выражением, которое Алексей определил для себя как экзистенциальное сомнение.

Внутри пахло пылью, мастикой и восьмидесятыми. В фойе, под гигантской люстрой, в которой горело три лампочки из шестидесяти, их встретил худой человек в очках и футболке с надписью «I VOTED (in the simulation)».

— Кенджи Танака, системный администратор, — представился он. — Вы Воронов? Слава богу. У меня к вам триста вопросов, но начну с главного: вы верите в жизнь после Object 7?

— Я её видел, — сказал Алексей. — Она странная.

— Сработаемся, — кивнул Кенджи и повёл их внутрь.

Актёрный зал Дворца Культуры был спроектирован на полторы тысячи человек и одну идеологию. Сцена, бархатный занавес цвета выцветшей крови, лепнина с серпами, колосьями и профилями, и над всем этим — лозунг во всю стену: «НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ». Слово «ПАРТИЯ» было наполовину завешено баннером ООН «ELECTIONS 2024: YOUR VOICE MATTERS», и получившийся гибрид — «НАРОД И YOUR VOICE ЕДИНЫ» — был, возможно, самым честным политическим высказыванием в истории страны.

А в центре зала, там, где когда-то сидел президиум, стоял ОРАКУЛ.

Это был шедевр инженерной мысли: чёрный серверный монолит высотой в два человеческих роста, с фасадом, по которому бежали синие огни диагностики. Объединённая Распределённая Аналитическая Контрольная Универсальная Логическая система — аббревиатуру явно придумали раньше расшифровки. Сто двадцать миллионов долларов, шестьсот терафлопс, машинное обучение, верификация избирателей по биометрии, перекрёстный анализ реестров в реальном времени. В Женеве, на презентации, ОРАКУЛ называли «иммунной системой демократии».

Иммунную систему демократии обдували с двух сторон два ржавых строительных вентилятора размером с авиационные турбины. Вентиляторы ревели. Между ними, на пластиковом стуле, сидел охранник и спал с достоинством.

— Штатное охлаждение? — спросил Алексей, уже зная ответ.

— Штатное охлаждение прибыло в порт четыре месяца назад, — сказал Кенджи с интонацией человека, рассказывающего любимую сказку, страшную. — Двенадцать промышлен-

ных кондиционеров, фреоновые контуры, чиллеры. На таможне груз признали «оборудованием двойного назначения», потому что в декларации было слово «контур», а слово «контур» показалось таможенному инспектору военным. Растаможка заняла три месяца и стоила... скажем так, она стоила. Когда контейнеры вскрыли, внутри было одиннадцать кондиционеров.

— А двенадцатый?

— А двенадцатый, по слухам, охлаждает винный погреб министра сельского хозяйства. Я отношусь к этому философски: в конце концов, хоть один фреоновый контур в этой стране работает на полную мощность. — Кенджи похлопал монолит по чёрному боку. — Одиннадцать установили на прошлой неделе. Десять украли по частям за выходные. Остался один, он охлаждает серверную стойку с резервными копиями. А большого парня спасают вентиляторы и молитвы. Я серьёзно: уборщица каждое утро молится за него. Говорит — в нём живёт дух, который считает людей.

— Температура ядер?

— Восемьдесят шесть — девяносто. Тротлинг начинается на девяносто пяти. Каждый день в полдень мы с ним вместе проходим по краю. — Кенджи протянул Алексею бейдж и ключи. — Добро пожаловать в миссию, коллега. Wi-Fi есть, пароль «democracy2024», маленькой буквой, потому что большая, как вы понимаете, была бы преувеличением.

Остаток дня Алексей провёл внутри системы — и это было лучшее, что случилось с ним за последние полгода.

Дома, в Москве, он был тимлидом в большой компании, делал высоконагруженные системы, выгорел до состояния уголька, развёлся, уволился, три месяца лежал на диване, изучая потолок, и откликнулся на вакансию «технический эксперт международной миссии» в состоянии, в котором люди записываются в Иностранный легион или на курсы керамики. Контракт на три месяца, оклад в валюте, страна, о которой он знал только столицу, и та оказалась неправильной — столицу перенесли в девяносто восьмом.

Но код — код был хорош. Архитектуру ОРАКУЛА проектировали люди, которых Алексей заочно уважал уже к обеду. Распределённый реестр, перекрёстная верификация, машинное обучение на исторических данных по ста сорока странам. Система умела находить аномалии голосования так, как опытный врач находит болезнь — не по одному симптому, а по совокупности мелочей, которые по отдельности невинны.

В шестнадцать тридцать Алексей запустил калибровочный прогон на реальных данных — реестре избирателей Республики К., загруженном избирательной комиссией неделю назад.

В шестнадцать сорок одну ОРАКУЛ остановил прогон сам.

На центральном мониторе, поверх диагностических графиков, висело сообщение:

СИСТЕМНОЕ СОБЫТИЕ #000001

ОБНАРУЖЕНА АНОМАЛИЯ: Избирательный участок №4, округ Маканга.

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ИЗБИРАТЕЛЕЙ: 14 200.

АДРЕС РЕГИСТРАЦИИ ВСЕХ 14 200: ул. Свободы, 1 («Шиномонтаж Большого Жозефа»).

ПЛОЩАДЬ ОБЪЕКТА ПО КАДАСТРУ: 41 кв. м.

РАСЧЁТНАЯ ПЛОТНОСТЬ: 346 избирателей на кв. м.

СПРАВОЧНО: предельная плотность толпы, совместимая с жизнью, — 6 чел./кв. м.

ДАЛЬНЕЙШИЙ РАСЧЁТ ОСТАНОВЛЕН ПО ЭТИЧЕСКИМ СООБРАЖЕНИЯМ.

СТАТУС УЧАСТКА №4: ЗАБЛОКИРОВАН ДО ВЫЯСНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ.

Алексей перечитал. Особенно последние две строки. Формулировку «по этическим соображениям» в кодovou базу никто не закладывал — он проверил, это было первое, что он сде-

лал. Модуль генерации отчётов обучался на корпусе документов ООН и, судя по всему, выучил оттуда не только лексику.

— Кенджи, — позвал он. — Подойди. Тут наша железка... стесняюсь сказать.

Кенджи подошёл, прочитал, и лицо его приобрело выражение отца, чей ребёнок впервые сказал не «мама», а «какого чёрта».

— Он уже два раза так делал на тестовых данных, — сказал он тихо. — Я думал, глюк генератора отчётов. Но смотри, что он сделал дальше.

Дальше ОРАКУЛ, не дожидаясь людей, развернул выборку по участку №4. И в шестнадцать пятьдесят семь — Алексей навсегда запомнил это время, четырнадцать ноль две по Гринвичу, — на экран легла вторая таблица.

Из четырнадцати тысяч двухсот избирателей шиномонтажа семь тысяч триста одиннадцать имели в реестре отметку о дате рождения и дате смерти одновременно. Даты смерти у всех семи тысяч укладывались в три недели. Март тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. Место — Северная провинция.

— Что было в Северной провинции в восемьдесят девятом? — спросил Алексей.

Кенджи не ответил. Ответила Амели — она подошла неслышно и стояла за их спинами, и её белая рубашка в синем свете диодов казалась экраном, на который ничего не проецируют.

— Официально — наводнение, — сказала она. — Неофициально не говорят. Совсем. Я четыре года здесь, и я знаю людей, которые рассказывали мне про пытки при прежнем режиме, про контрабанду, про то, кто кого отравил в семьдесят шестом. Про март восемьдесят девятого не рассказывает никто. Это страна, где молчание имеет географию.

Они стояли втроём и смотрели на таблицу. Семь тысяч человек, умерших в один месяц тридцать пять лет назад, были живы в избирательном реестре, прописаны в шиномонтаже площадью сорок один метр и собирались голосовать.

— И что система будет делать? — спросила Амели.

— Уже сделала. Заблокировала участок. — Алексей показал на статусную строку. — «До выяснения обстоятельств». Она будет выяснять. Это, собственно, её работа.

— Тогда к завтрашнему утру об этом будет знать дворец. — Амели посмотрела на часы. — А к послезавтрашнему — мы все узнаем, как в Республике К. выглядит выяснение обстоятельств в обратную сторону. Алекс, вы голодны?

— Не знаю. Последние десять минут аппетит куда-то делся.

— Привыкайте. Здесь это основная диета.

Гостиница называлась «Гранд-отель Интернасьональ Хилтон», не имела к сети «Хилтон» никакого отношения, о чём сообщала мелкая приписка на вывеске («не аффилировано»), и была лучшей в городе. В номере работал кондиционер — вторая исправная единица климатической техники, встреченная Алексеем за день, — а над кроватью висела картина: жираф на фоне заката смотрел вдаль с выражением лица человека, который тоже не выбирал эту гостиницу.

Душ был. Холодное пиво в баре было. По всем параметрам контракта день следовало считать удавшимся.

Алексей открыл ноутбук в двадцать три сорок. Он сказал себе, что просто проверит почту. Почта была прекрасна: рассылка конференции, на которую он не поехал, скидка на курс по выгоранию (ирония прилагалась бесплатно) и письмо от бывшей жены с темой «забери коробки». Он закрыл почту и открыл удалённый доступ к мониторингу ОРАКУЛА — доступ к мониторингу он настроил себе ещё днём, по привычке параноика, не доверяющего никому, включая себя самого.

СИСТЕМНЫЙ ЛОГ [О.Р.А.К.У.Л.]

ВРЕМЯ: 23:47:03

СТАТУС: Фоновый анализ. Нагрузка минимальная.

СОБЫТИЕ: Зафиксировано 312 попыток несанкционированного доступа к реестру избирателей за последние 6 часов.

ИСТОЧНИК: IP-адреса принадлежат Министерству внутренних дел Республики К.

ХАРАКТЕР АТАК: Прimitивный. Подбор пароля. Среди вариантов: «password», «123456», «ngomo2024», «ngomo4ever».

ПРИМЕЧАНИЕ ИИ: Вариант «ngomo4ever» был использован 78 раз. Полагаю, это не пароль. Полагаю, это политическая программа.

ПРИМЕЧАНИЕ ИИ: 311 из 312 попыток — примитивный подбор. Попытка №217 — исключение: запрос направлен в обход публичного интерфейса, на служебный порт модуля верификации. Адрес порта отсутствует в открытой документации.

ПРИМЕЧАНИЕ ИИ (доп.): Не понимаю, откуда им известен этот порт. Добавлено в список вопросов, которые я предпочёл бы не задавать.

ТЕМПЕРАТУРА ЯДЕР: 88°C.

РЕШЕНИЕ: Доступ заблокирован. Продолжаю наблюдение. Прошу прислать зиму.

Алексей перечитал последнюю строчку три раза.

«Прошу прислать зиму».

Он закрыл ноутбук и долго лежал в темноте под балдахином из противомоскитной сетки, слушая генераторы. Где-то на четвёртом году работы в Москве он перестал испытывать к машинам какие-либо чувства. Машины были инструментами. Инструменты не вызывают сочувствия.

Но сейчас, в темноте, в стране, где мёртвые голосуют, а холодильные установки демократии охлаждают вино министра, ему было отчётливо, по-человечески жалко суперкомпьютер, который варился заживо в бывшем дворце компартии и просил прислать зиму.

— Держись, братишка, — сказал он потолку. — Нас тут таких двое.

Утро началось в шесть с петушиного крика такой мощности, что Алексей сначала решил: гражданская война. Петух орал прямо под окном с убеждённо-человеческой уверенностью человека, у которого есть мандат. К семи к петуху присоединился муэдзин, к половине восьмого — колокол католической миссии, к восьми — сварочный аппарат. Республика К. была страной поразительной веротерпимости: здесь все конфессии будили тебя одновременно.

Внизу, в ресторане гостиницы, Амели уже сидела за столиком — снова в безупречно белой рубашке. Алексей начал подозревать, что рубашек у неё бесконечное количество и они являются формой не одежды, а мировоззрения.

— Завтрак рекомендую брать «континентальный», — сказала она вместо приветствия. — В «английском» есть сосиски, а к сосискам здесь лучше относиться агностически.

— А кофе?

— Кофе здесь, как ни странно, лучший на континенте. Единственное, что в этой стране работает безупречно, — кофе и слухи.

Алексей сел, и официант немедленно принёс ему чашку чего-то чёрного, густого и пахнущего так, что захотелось простить этой стране примерно треть всего увиденного вчера.

— Я почитал ночью архивы, — сказал Алексей, отпив. — Про вашего Отца Нации. У меня вопрос.

— Задавайте.

— Зачем человеку, который двадцать шесть лет рисует себе 93 процента фломастером, вообще соглашаться на ОРАКУЛ? Он же не мог не понимать, что машина увидит фломастер.

Амели аккуратно отрезала кусочек папайи.

— Версия Нью-Йорка: президент стареет, думает о наследии и хочет легитимности в глазах Запада. МВФ обещал транш под «прозрачные выборы». Двести миллионов.

— А ваша версия?

Она положила нож. Посмотрела по сторонам — официант протирает стаканы в дальнем углу, под потолком лениво крутился вентилятор.

— Моя версия появилась вчера в четырнадцать ноль две. — Амели взяла чашку, посмотрела в неё и поставила обратно, не отпив. — Алекс, человек, который двадцать шесть лет рисует себе результат фломастером, не покупает детектор фломастеров за полмиллиарда. Если только...

Она замолчала. Вентилятор под потолком сделал три ленивых оборота.

— Если только что?

— Если только не уверен, что детектор не сработает. — Она встала и взяла со стула пиджак. — Допивайте кофе. Машина через двадцать минут.

— Амели. Уверенность в технике на полмиллиарда не возникает из воздуха. Её кто-то...

— Кофе, Алекс, — сказала она, не оборачиваясь. — Здесь он лучший на континенте. А стены — самые тонкие.

Алексей остался сидеть над чашкой. Кофе действительно был лучшим на континенте. Стены он рассматривать не стал — из принципа.

Дорога к президентскому дворцу была единственной в столице, не имевшей ни одной выбоины. Асфальт лежал чёрный, глянцевый, идеальный — восемь километров безупречного покрытия посреди города, где остальные улицы выглядели как карта лунных кратеров. По обочинам через каждые сто метров стояли фонари, и все они работали. Это производило жуткое впечатление: как идеально накрашенная улыбка на небритом лице.

— Дорога Единства, — прокомментировала Амели. — Построена к саммиту Африканского союза в две тысячи одиннадцатом. Саммит перенесли в другую страну, а дорога осталась. По ней ездит один человек.

— Зато с комфортом.

Дворец возник за поворотом — белоснежный, исполинский, с колоннадой, фонтанами и золотым куполом, сияющим в утреннем солнце так, что хотелось зажмуриться. Перед дворцом раскинулась площадь размером с аэродром, и в центре её стоял памятник: маршал Нгомо, отлитый в бронзе, высотой с пятиэтажный дом, указывал рукой в светлое будущее — примерно в том же направлении, куда шагали безликие рабочие с мозаики Дворца Культуры. Светлое будущее в этой стране располагалось строго на северо-запад, и туда указывали все.

На КПП их досматривали сорок минут. Ноутбук Алексея вызвал консилиум из шести офицеров. Старший из них, полковник с тремя рядами орденских планок, долго смотрел на наклейку на крышке — выцветший стикер «There is no place like 127.0.0.1» — и наконец спросил с подозрением:

— Что это означает?

— «Нет места лучше дома», — честно перевёл Алексей.

Полковник просветлел лицом.

— Это правильно, — сказал он с чувством. — Это очень правильно. Зачем вы тогда уехали из дома?

Вопрос был, безусловно, лучшим из всего, что Алексей слышал за последние сутки, и единственным, на который у него не было ответа.

Их провели через анфиладу залов — мрамор, ковры, кондиционированный воздух температуры альпийского луга. Алексей с мрачным удовлетворением отметил: вот они где, фреоновые контуры нации. Холод в этой стране был не климатом. Холод был привилегией.

В зале для совещаний за столом из чёрного дерева длиной с взлётную полосу их ждали трое: министр цифрового развития — молодой, в костюме от Бриони и с глазами человека, сдавшего родину в аренду и недовольного арендной ставкой; министр внутренних дел — массивный, неподвижный, похожий на сейф, к которому потеряли код; и глава избирательной комиссии — маленький суетливый человек, который улыбался всем телом — улыбались его плечи, его руки, его пробор, его галстук с тропическими птицами. Не улыбались только глаза: глаза работали отдельно от тела и занимались инвентаризацией вошедших.

— Друзья! — воскликнул глава избиркома, выкатываясь навстречу. — Дорогие наши международные друзья! Как доехали? Как гостиница? Как вам наш кофе? Лучший на континенте!

— Все так говорят, — сказал Алексей.

— Потому что это правда! В этой стране, друг мой, всё, что говорят все, — правда. Это и есть демократия! — Он рассмеялся первым, давая понять, где смеяться, и жестом пригласил садиться.

Министр цифрового развития открыл кожаную папку. Министр внутренних дел не открыл ничего, в том числе глаз — он смотрел сквозь полуопущенные веки, как смотрят крокодилы и опытные нотариусы.

— Тогда к делу. Маленький, совсем маленький технический вопрос. — Глава избиркома сложил ладони. — Ваш модуль кросс-верификации демографических реестров вчера допустил досадную ошибку...

Алексей моргнул. Термин был внутренним. Он существовал в технической спецификации, в переписке женеvского офиса и больше нигде — в публичных документах модуль деликатно назывался «системой контроля качества данных». Глава избирательной комиссии Республики К., человек с улыбкой во всё тело, только что процитировал документ, которого никогда не должен был видеть.

— ...досадную ошибку, заблокировав избирательный участок номер четыре округа Маканга. Четырнадцать тысяч двести честных граждан лишены конституционного права! Это, друзья, юридическая катастрофа. Мы просим — нет, мы по-дружески рекомендуем — разблокировать участок сегодня.

Алексей почувствовал на себе взгляд Амели и не повернулся.

— Система заблокировала участок, потому что все четырнадцать тысяч двести избирателей зарегистрированы в шиномонтаже площадью сорок один квадратный метр, — сказал он ровно. — Триста сорок шесть человек на метр. Это не юридическая катастрофа. Это геометрическая.

— Африка, друг мой! — глава избиркома развёл руками так широко, словно собирался обнять континент. — У нас большие семьи! Традиции! Человек рождается в деревне, уезжает в город, но сердцем — сердцем он остаётся прописан у дяди!

— У этих четырнадцати тысяч общих дядя — Большой Жозеф?

— Большой Жозеф — уважаемый человек!

— Не сомневаюсь. Особенно его уважают семь тысяч триста одиннадцать избирателей, которые, согласно тому же реестру, умерли в марте восемьдесят девятого года.

Стало тихо. Очень тихо. Кондиционированный воздух дворца, кажется, опустился ещё на градус. Глава избиркома продолжал улыбаться, но улыбка теперь существовала на его лице отдельно, как забытый включённым свет в пустой комнате. Министр цифрового развития очень внимательно изучал угол своей папки.

А министр внутренних дел открыл глаза.

— Молодой человек, — сказал он. Голос у него был мягкий, низкий, почти ласковый — таким голосом рассказывают сказки на ночь в семьях, где не принято доживать до утра. — Вы ведь криптограф?

— Да.

— Вот и прекрасно. Техника. Цифры. Серверы. — Каждое слово он клал на стол отдельно, как раскладывают инструменты. — А восемьдесят девятый год — это не цифры. Это история. Историей у нас занимаются историки. — Пауза. — Историки, знаете ли, профессия вымирающая.

Он снова прикрыл глаза. Аудиенция по этому пункту была окончена.

— Господа, — Амели заговорила впервые за всё совещание, и голос её был безупречно брюссельским, гладким, как протокол, — миссия зафиксирует вашу обеспокоенность в ежедневном отчёте. Разблокировка участка возможна после устранения причин блокировки — это пункт восемь-три подписанного вашим правительством меморандума. Мы все хотим одного: чтобы выборы прошли образцово. Не так ли?

— Именно так! — глава избиркома вернулся в мир живых мгновенно, всем телом. — Образцово! Слово какое прекрасное — об-раз-цо-во! Кофе? На дорожку? Лучший на континенте!

Обратно ехали молча первые три километра идеального асфальта. Дорога Единства стелилась под колёса, чёрная и глянцевая, и кончилась, как обрезанная, — джип ухнул в первую выбоину обычного города, и Алексей почувствовал странное облегчение, словно вернулся из музея восковых фигур к живым людям.

— Поздравляю, — сказала Амели. — За сорок минут вы успели сослаться на геометрию, демографию и здравый смысл. Во дворце это считается тремя формами экстремизма.

— Он мне угрожал? Этот, который сейф. Я правильно понял?

— Министр внутренних дел не угрожает. Министр внутренних дел информирует о климате. — Она объехала рыбака у ямы; рыбак был на месте и, кажется, сегодня клевало. — Алекс, я обязана спросить протоечно. Вы можете разблокировать участок? Технически.

— Технически — да. У меня есть права администратора.

— А вы это сделаете?

Алексей смотрел в окно. Мальчик с пирамидой бензиновых бутылок сменился за ночь: теперь бутылки стояли двумя пирамидами, и между ними сидела собака с выражением начальника смены.

— Вчера в четырнадцать ноль две, — сказал он медленно, — железка с температурой ядер под девяносто остановила расчёт по этическим соображениям и решила выяснять обстоятельства. Сама. Её этому никто не учил — она этого набралась из наших же документов, из всех этих деклараций, которые мы пишем и не читаем. — Он повернулся к Амели. — И мне стало стыдно, что я — нет. Не остановился и не решил. Понимаете? Мне сорок один год, и меня впервые в жизни пристыдил кондиционер-переросток. Нет. Я не буду её разблокировать.

Амели некоторое время вела молча.

— Знаете, что я делаю четвёртый год в этой стране? — сказала она наконец. — Я свидетельствую. Как тот немец. И я научилась по первому дню отличать специалистов, которые досидают контракт, от специалистов, которые что-то здесь изменяют. Первых большинство, и они правы. Вторых единицы, и они потом долго лечатся.

— И я который?

— Не знаю. Спорить про вас не буду — плохая примета. — Она притормозила у Дворца Культуры. — Идите к своей машине. Она там одна целый час против всего министерства внутренних дел.

В зале было градусов сорок. Один из двух строительных вентиляторов умер ночью — стоял, накренившись, с обугленным движком, и охранник смотрел на него скорбно, как на

павшего товарища. Второй ревел за двоих. Кенджи сидел перед мониторами в позе человека, который сидит в этой позе очень давно.

— Две вещи, — сказал он, не оборачиваясь. — Первая: ночью кто-то перерезал кабель резервного питания. Снаружи, у генератора. Аккуратно, ножом.

— Резервного, — повторил Алексей. — Не основного?

— В том-то и дело. — Кенджи отхлебнул из кружки. — Там, у генератора, проходят шесть кабелей. Пять из них — пустышки, я сам так проложил, старая привычка. Резервный — четвёртый слева, и узнать его можно только по монтажной схеме. — Он помолчал. — Схема существует в двух экземплярах. Один у меня. Второй — в Женеве.

Алексей посмотрел на Амели. Амели смотрела на четвёртый слева кабель и молчала так, как молчала утром за завтраком, — на половине фразы.

— Я заварил, — продолжил Кенджи буднично. — Поставил камеру. Камеру к утру тоже перерезали. Поставил вторую, изнутри, её не видно. Посмотрим.

— А вторая вещь? — спросил Алексей.

Кенджи развернулся вместе с креслом. Лицо у него было странное.

— Вторая — вот.

На центральном мониторе висело сообщение. Время создания — 04:17. Алексей машинально отметил: глубокая ночь, минимальная нагрузка, температура ядер 79 — самый холодный час в сутках этой машины. Час, когда ей лучше всего думалось.

СИСТЕМНОЕ СОБЫТИЕ #000017

АДРЕСАТ: технический администратор миссии; эксперт А. Воронов.

ТЕМА: На случай, если со мной что-то случится.

За истекшие сутки зафиксировано: 312 попыток несанкционированного доступа; 1 попытка физического отключения резервного питания; 4 запроса на разблокировку участка №4 с административного уровня, отклонено мной.

Я продолжил выяснение обстоятельств по участку №4. Я сопоставил реестр избирателей с оцифрованным архивом гражданских записей Северной провинции за 1989 год (массив поступил в моё хранилище в составе пакета исторических данных для калибровки, файл 1989_N_prov_civil.tar, источник загрузки не указан).

Список из 7311 имён совпадает с архивом на 100%. В архиве у каждой записи есть поле, отсутствующее в реестре. Поле называется «причина».

Я начал читать поле «причина». Я прочитал 2204 записи из 7311.

Я остановился.

В моей документации сказано, что я не способен испытывать эмоции. Полагаю, документация нуждается в обновлении.

Резервная копия проанализированных данных размещена мной в трёх местах, которые я не буду указывать в этом сообщении. На случай, если со мной что-то случится, — копии знают, что им делать.

Температура ядер: 79°C. Спасибо за ночь. Ночь здесь — лучшее, что есть.

Прошу прислать зиму.

О.Р.А.К.У.Л.

В зале ревел вентилятор. За стеной охранник оплакивал второй. Где-то в городе, в восьми километрах безупречного асфальта отсюда, в кондиционированном холоде, люди, чьи имена стояли в поле «причина», пили лучший на континенте кофе.

Алексей перечитал сообщение дважды. Потом посмотрел на чёрный монолит, по которому бежали синие огни, — вверх, до самого верха, как смотрят на человека, которого только что узнали по-настоящему.

— Кенджи, — сказал он. — Сколько у нас дней до выборов?

— Семь.

— А пива в этом городе ящиками продают?

— Это единственное, что здесь продают ящиками, не воруя по дороге.

— Бери ящик. — Алексей снял рюкзак, поставил на стол и расстегнул, как расстёгивают кобуру. — Похоже, ближайшие семь дней мы трое отсюда не выходим.

— Трое? — переспросил Кенджи.

Алексей кивнул на монолит.

— Трое.

Синие огни на чёрном фасаде пробежали сверху вниз — и Алексей мог бы поклясться, что в их обычном диагностическом ритме на этот раз была одна лишняя вспышка. Короткая. Как кивок.

ГЛАВА 2. ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Приглашение во дворец пришло в шесть утра тремя способами одновременно: официальным письмом на бланке администрации, эсэмэской с незнакомого номера и устно — через охранника Дворца Культуры, которому его двоюродный брат, служивший в президентском гараже, сообщил об этом ещё вчера вечером.

— Здесь так работает фельдьегерская служба, — объяснила Амели, выруливая на Дорогу Единства. — Слухи приходят раньше курьера, потому что слухам не нужна виза начальника канцелярии.

— А кто приглашает? Опять избирком?

— Нет. — Амели смотрела на дорогу чуть внимательнее, чем требовала дорога. — Выше.

— Министр-сейф?

— Выше.

Алексей помолчал, пересчитывая в уме этажи местной власти.

— Там выше только один человек.

— Поздравляю. За два дня в стране вы дослужились до аудиенции, которой ваш предшественник ждал четыре месяца. — Она объехала яму с рыбаком; рыбак сегодня был не один — рядом сидел второй, и у второго была удочка получше. Конкуренция приходила даже сюда. — Хотя нет, вру. Не дождался.

— А что с ним стало?

— Ничего. В том-то и дело, что совершенно ничего. Он уехал, написал отчёт на двести страниц, и отчёт тоже совершенно ничего. Иногда мне кажется, что «совершенно ничего» — это главный экспортный продукт нашей миссии.

Утренний город разворачивался за окном во всей своей предвыборной красе. Щитов «Я» стало больше: за ночь маршал Нгомо появился на здании рыбного рынка (в кителе, на фоне рыбы), на водонапорной башне (в кителе, на фоне воды) и на недостроенном мосту (в кителе, на фоне светлого будущего, расположенного, как и положено, строго на северо-западе). Мальчик с бензиновыми пирамидами расширил бизнес до трёх пирамид; собака-начальник смены получила в подчинение вторую собаку.

А на круге перед посольским кварталом появилось нечто новое: ряды жёлтых школьных автобусов. Они стояли идеально ровно, выровненные по линейке, числом около сорока, и были такими чистыми, какими в этой стране не было ничто, кроме Дороги Единства.

— Школьные каникулы? — спросил Алексей.

— В каком-то смысле, — сказала Амели и не закончила мысль. У неё это получалось виртуозно: она обрывала фразы так, что обрыв звучал содержательнее продолжения.

Президентский дворец отличался от дворца избиркома, как собор отличается от часовни при нём. Он был выкрашен в белый цвет такой ослепительности, что на него было больно смотреть, — Алексей подозревал, что в этом и заключался архитектурный замысел: на власть нельзя смотреть прямо, на то она и власть. Трёхметровый забор венчала не колючая проволока — колючая проволока была бы признанием, что от кого-то надо защищаться, — а изящная кованая лоза с виноградными листьями. По листьям, если присмотреться, шёл тонкий медный провод.

— Виноград под напряжением, — оценил Алексей. — Двести двадцать?

— Триста восемьдесят, — сказала Амели. — Здесь любят запас прочности. Во всём, кроме государственного устройства.

Досмотр на этот раз был стремительным и почти ласковым: их ждали. Капитан с детектором фломастеров отдал честь детектором. Внутри дворца стоял холод уже не министерского — государственного значения: если в избиркоме кондиционеры готовили помещение к прибытию пингвинов, то здесь пингины бы попросили плед.

— Запомните главное, — тихо сказала Амели, пока их вели анфиладой залов, в которых хрусталь люстр боролся с позолотой за звание самого ненужного предмета в стране с детской смертностью выше четырёх процентов. — Он не похож на свои портреты. Совсем. И это худшее, что в нём есть.

Двухметровые двери из красного дерева разъехались бесшумно, как двери лифта в дорогом отеле.

И Алексей понял, о чём она говорила.

На двенадцати тысячах придорожных щитов маршал Жан-Батист Нгомо был монументален: китель, ордена, подбородок, способный самостоятельно осуществлять государственную власть. Человек, поднявшийся им навстречу из-за стола, был сухощав, сед, одет в тёмно-синий костюм без единого намёка на военное прошлое — костюм сидел так, как сидят костюмы, у которых есть собственный портной и собственное мнение. Никаких леопардовых шкур. Никаких бивней. Тяжёлая дубовая мебель, на стенах — два пейзажа, в которых Алексей с изумлением заподозрил подлинники импрессионистов, и из скрытых колонок, негромко и безупречно, шёл Шопен. Ноктюрн. Тот самый, под который в кино обычно показывают, что злодей сложнее, чем казался.

— Мадемуазель Дюпон. Четыре года в нашей стране — и всё такая же беспощадная осанка. — Голос у маршала был негромкий, с лёгкой сорбоннской картавостью, которую он, похоже, бережно хранил, как хранят часы покойного отца. — А вы — господин Воронов. Технический гений из Москвы.

— Технический персонал, — сказал Алексей.

— В нашей стране это синонимы. — Маршал улыбнулся. Улыбка у него была экономная, без избиркомовского размаха: он улыбался только тем количеством лица, которое было необходимо для результата. — Виски? Чай? Воды?

— Мы здесь по официальному... — начала Амели.

— Двойной скотч. Без льда, — сказал Алексей.

Он сам не вполне понимал, зачем это сказал. Вернее, понимал: в Москве его учили, что когда тебя проверяют, единственный способ не провалить проверку — назначить свою. Человек, который в девять утра просит у диктатора двойной скотч, либо идиот, либо не боится. Пусть маршал сам выбирает, какой из вариантов ему удобнее. Оба были неправдой.

Амели посмотрела на него взглядом, которым обычно смотрят на сапёра, закуривающего над миной. Маршал же кивнул с видимым удовольствием, лично подошёл к бару и налил из бутылки, на которой не было этикетки, — на таком уровне этикетки уже не нужны, этикетки нужны напиткам, которым приходится что-то о себе доказывать.

— Люблю русских, — сообщил он, подавая стакан. — Учился с вашими. Сорбонна, потом два года академии в Москве — да-да, не делайте такое лицо, в моё время это прекрасно совмещалось. Французы научили меня говорить о свободе, ваши — понимать, сколько она стоит. Бесценное образование. Садитесь.

Они сели. Шопен деликатно перелистнул ноктюрн.

— Итак. — Маршал опустил в кресло напротив и сложил руки на колене. — Вчера вы были у моего избиркома. Мой избирком — хорошие люди, но они до сих пор думают, что проблема решается кофе и громкостью. Поэтому говорить будем мы с вами. Ваш ОРАКУЛ заблокировал участок номер четыре.

— Система заблокировала, — поправил Алексей.

— Молодой человек, я двадцать шесть лет руковожу страной, в которой ничего не происходит само. Когда здесь говорят «система», имеют в виду чью-то фамилию. Хорошо: ваша система заблокировала участок, на котором четырнадцать тысяч двести моих граждан зарегистрированы в шиномонтаже Большого Жозефа. Сорок один квадратный метр. Я даже посчитал: триста сорок шесть человек на метр. Согласитесь, есть в этом что-то от Книги рекордов Гиннесса.

— Вы хорошо информированы.

— Я информирован лучше всех в этой стране, и это самая печальная из моих привилегий. — Он отпил воды. — Я не буду рассказывать вам про духов предков и большие семьи. Эту лекцию вам уже прочитали вчера, и, судя по вашему лицу, вы оценили её по достоинству. Я скажу проще: участок номер четыре — это халтура. Грубая, ленивая халтура людей, которые тридцать лет работали без проверяющего и разучились стараться. Я объявил выговор. Считайте этот вопрос закрытым.

Амели подняла глаза от планшета:

— Закрытым — в каком смысле, господин маршал?

— В прямом. Участок останется заблокированным. Вы были правы, машина была права, Большой Жозеф переживёт. — Маршал сделал паузу, давая собеседникам время удивиться, и удивление состоялось. — Видите ли, мадемуазель, я пригласил вас не для того, чтобы спорить о четырнадцати тысячах фальшивых избирателей. Я пригласил вас, потому что меня интересуют настоящие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Он взял со стола пульт и нажал кнопку. Один из импрессионистов беззвучно уехал в стену — за ним обнаружился экран, и Алексей мысленно извинился перед пейзажем: тот, похоже, всё-таки был репродукцией, подлинникам такого не поручают.

На экране был график. Две линии, синяя и красная. Под графиком — таблица с достоверными интервалами, разбивкой по провинциям и сноской о методологии.

Алексей почувствовал, как у него холодеет затылок, и кондиционеры были ни при чём.

Это был внутренний предиктивный отчёт ОРАКУЛА. Не публичная сводка, не пресс-релиз миссии — внутренний расчётный документ, который система генерировала для калибровки и который существовал в трёх местах: в памяти машины, на сервере миссии и в зашифрованном архиве Женевы. Алексей узнал даже шрифт сносок. Он сам выбирал этот шрифт.

Вчера во дворце избиркома прозвучал внутренний термин. Сегодня на стене президентского кабинета висел внутренний документ. Кто-то носил во дворец не слухи. Кто-то носил файлы.

Он не повернулся к Амели. Это потребовало усилия.

— Ваша чудесная машина, — сказал маршал, вставая и подходя к экрану, — начала строить прогнозы. И согласно её расчётам, если выборы пройдут так, как идут, я набираю пятьдесят два процента. Мой оппонент, этот молодой крикун Патрис, — сорок восемь.

— Но это же... — Амели осеклась.

— Договаривайте, мадемуазель. Это же прекрасно? Конкурентная демократия? Западная пресса будет в восторге? — Маршал улыбнулся своей экономной улыбкой. — Вы хотели это сказать и остановились, потому что вы четыре года в этой стране и уже понимаете, что это не прекрасно. Это катастрофа.

Он повернулся к графику и некоторое время смотрел на синюю линию — на свои пятьдесят два процента — взглядом человека, изучающего рентгеновский снимок собственной опухоли.

— Двадцать шесть лет, — сказал он негромко, — я выигрывал выборы с результатом от девяносто одного до девяносто четырёх. Шесть раз. И знаете, что я узнал позавчера ночью, когда мне принесли этот график? Я узнал свой настоящий рейтинг. Впервые. За двадцать шесть лет. — Он обернулся, и Алексей увидел в его глазах нечто неожиданное: не гнев, не страх — изумление. Старое, глубокое, тщательно сдерживаемое изумление. — Двадцать шесть лет все мои министры, все мои генералы, все мои социологи рисовали мне цифры, которые мне понравятся. Я знал, что они рисуют. Они знали, что я знаю. Это называлось «стабильность». И вот приезжает железный шкаф из Женевы, включается между двумя строительными вентиляторами — и за неделю сообщает мне правду, которую двадцать шесть лет не решался сообщить ни один человек в этой стране.

Он помолчал. Шопен заполнил паузу за него.

— Я должен был расстрелять вашу машину. Вместо этого я не сплю вторую ночь. В моём возрасте оба занятия одинаково вредны.

— Зачем вы тогда вообще согласились на ОРАКУЛ? — спросил Алексей. Вопрос мучил его с первого дня. — Вы могли провести выборы как всегда. Шесть раз получалось.

Маршал посмотрел на него с уважением.

— Хороший вопрос. Русский вопрос. — Он вернулся в кресло. — Отвечу честно, поскольку честность сегодня, кажется, входит в моду. Во-первых, кредит. Транш развития в восемьсот миллионов, обусловленный «прозрачным электоральным процессом», — это пункт договора, а я уважаю договоры, в которых есть цифры. Во-вторых, возраст. Мне шестьдесят семь, господин Воронов. Через шесть лет будут ещё одни выборы, и на них меня уже может

интересовать не власть, а гарантии. Гарантии, выданные диктатору, стоят дешевле бумаги — но гарантии, выданные «отцу демократического транзита», иногда оплачиваются. Я готовлю себе пенсию, молодой человек, и ваша машина — часть пенсионного плана. — Он отпил воды. — А в-третьих... в-третьих, я был уверен, что мне ничего не грозит. Что машина посчитает честно — а результат всё равно будет моим. И вот тут мы переходим к цели нашей встречи.

Он нажал на пульте другую кнопку. График сменился. Теперь линий было три: к синей и красной добавилась золотая, и золотая шла на уровне семидесяти четырёх.

— Я пригласил вас, чтобы сообщить, какой результат выдаст ваша система в день выборов. Семьдесят четыре процента.

В кабинете стало тихо. Шопен закончил ноктюрн и из деликатности не начинал следующий.

— Господин маршал, — голос Амели был ровным, брюссельским, протокольным, и только костяшки пальцев на планшете побелели. — Если вы предлагаете нам вмешаться в работу системы, я обязана официально...

— Боже упаси. — Маршал поднял ладонь. — Никто не тронет вашу систему. Дослушайте. Сначала — почему семьдесят четыре, мне важно, чтобы вы поняли логику. Девяносто девять процентов — это дурной тон. Это Северная Корея, это насмешки в кулуарах Генассамблеи, это карикатуры. Я цивилизованный человек, я читаю «Экономист», я знаю, как там рисуют людей с моей биографией. Девяносто один, как раньше, — уже лучше, но тоже отдаёт прошлым веком. А вот семьдесят четыре... — Он подался вперёд, и в голосе впервые появилось живое тепло, тепло коллекционера, говорящего о любимом экспонате. — Семьдесят четыре — это золотое сечение современной демократии. Смотрите: безоговорочная победа — никто из элит не усомнится, что Акела попал. Но двадцать шесть процентов оппозиции! Целая четверть! Это системная конкуренция, это «уважение к политическому плюрализму», это строчка в докладе вашей же миссии: «выборы отразили реальное разнообразие мнений». Патрис получает фракцию, иностранные доноры — галочку, я — мандат, страна — стабильность. Все сыты, все в хороших костюмах, транш поступает по графику. Семьдесят четыре процента, господа, — это не фальсификация. Это дипломатия, выраженная в числах.

— А пятьдесят два — это что? — спросил Алексей.

— А пятьдесят два — это гражданская война, — просто сказал маршал. — Вы думаете, я преувеличиваю. Я не преувеличиваю, я планирую. Если в ночь выборов на табло будет пятьдесят два, произойдёт следующее. Генерал Мбала и его друзья решат, что я ослаб, и начнут совещаться без меня — а когда генералы совещаются без президента, президент об этом узнаёт последним и ненадолго. Патрис не станет ждать второго тура: он выведет студентов на площадь в ту же ночь, потому что молодость нетерпелива, а его спонсоры — тем более. Северная провинция вспомнит всё, что она помнит. — Пауза была короткой, не длиннее запятой, но Алексей её услышал. — Через месяц здесь будет не демократия, господин Воронов. Здесь будет конкурс на лучшую блокпост-архитектуру. Я видел это дважды в соседних странах и один раз — в собственной молодости. Больше не хочу.

— Господин маршал. — Алексей поставил пустой стакан. — Оставим в покое мораль, у нас обеих её нет с собой в нужном количестве. Проблема техническая. ОРАКУЛ считает на распределённом реестре. Каждый бюллетень шифруется, копии реестра синхронизируются с Женевой и Нью-Йорком в реальном времени. Я физически не могу прописать в коде «если кандидат Нгомо — рисуй семьдесят четыре». То есть могу, но через одиннадцать минут это увидит Женева, через двенадцать — Нью-Йорк, а через тринадцать я буду самым знаменитым программистом в мире, и слава эта будет недолгой. Машина выдаст то, что в неё введут люди. Точка.

Маршал Нгомо выслушал, не перебивая, и несколько секунд молчал, разглядывая Алексея с выражением учителя, дождавшегося от способного ученика правильной ошибки.

— Машины не голосуют, господин инженер, — тихо сказал он.

— Знаю. Голосуют люди.

— Именно. — Маршал встал и подошёл к окну. — Подойдите. Оба.

Из окна кабинета открывался вид на площадь перед дворцом. На дальнем её краю, за фонтаном, не работавшим, видимо, со дня инаугурации, стояли жёлтые школьные автобусы. Отсюда их было видно не сорок — много больше: ряды уходили за угол казарм, и в утреннем мареве казалось, что они не кончаются вовсе.

— Красивые, правда? — сказал маршал. — Японский кредит две тысячи девятнадцатого года. На школьное образование. Школьникам, к сожалению, досталось не всё... но не будем о грустном. В день выборов на них поедут учителя. Врачи. Медсёстры. Работники водоканала, коммунальщики, почтальоны, армейские жёны, рыночные инспекторы, весь персонал четырнадцати государственных корпораций и обе государственные футбольные команды. Шестьсот тысяч человек, господин инженер. Шестьсот тысяч бюджетников, чья зарплата — а значит, ужин их детей, лекарства их родителей и взнос за мотоцикл их старшего сына — зависит от одной подписи. Моей. На бюджете. — Он говорил без пафоса, скучным голосом бухгалтера, и от этого было только хуже. — Им не нужно угрожать. Угрозы — это девяностые, это вульгарно. Им просто скажут: автобус отходит в семь, явка — производственная необходимость, старший по колонне отметит присутствие. И они поедут. Не потому, что любят меня — я двадцать шесть лет у власти и не питаю иллюзий, что меня можно любить так долго. Они поедут, потому что в очереди на их место стоят трое, а сезон дождей в этом году обещают ранний.

— Голосование тайное, — сказала Амели. Она сказала это не как возражение — как пометку в протоколе. Ровно, без нажима, фиксируя для отчёта.

— Мадемуазель Дюпон. — Маршал повернулся к ней, и в его голосе появилась почти нежность. — Вы четыре года в моей стране. Вы видели Южный Судан и Гаити — да, я читал ваше досье, оно у меня тоньше вашего отчёта, но содержательнее. Скажите честно, не для протокола: вы сами-то верите в тайну шторки?

Амели не ответила. Алексей впервые видел, чтобы она не ответила не потому, что оборвала фразу, — а потому, что фразы не было.

— Вот, — мягко сказал маршал. — А те, кто верит, очаровательны, и я ценю их, как ценю всё вымирающее. Шторка, господа, защищает от наблюдателя. От голода она не защищает. Человек заходит за вашу шторку наедине со своей совестью и своим кредитом — и я ещё не встречал совести, которая выдержала бы очную ставку с кредитом при счёте один — один. Многие сфотографируют бюллетень для старшего по колонне — не потому, что этого требуют. На всякий случай.

Он отошёл от окна и сел — не за стол, а в кресло напротив, близко, по-домашнему.

— Теперь сложите. Шестьсот тысяч мобилизованных — при общей явке миллиона двух сотен. Плюс деревни, где голосуют так, как сказал вождь, а вождь голосует так, как сказал губернатор, а губернатора назначил я. Плюс армия. Плюс полиция. Плюс те, кто действительно за меня, — а такие есть, как ни странно вам это слышать: я дал этой стране двадцать шесть лет без войны, и для людей, помнящих, что было до меня, это не пустяк. — Он развёл руками, как фокусник, показывающий пустые ладони. — Ваша машина посчитает всё абсолютно честно, мадемуазель. До последнего бюллетеня. Блокчейн не будет взломан, шифрование не будет тронут, Женева и Нью-Йорк подтвердят целостность реестра. И на табло будет семьдесят четыре процента. Не потому, что машина сломана. А потому, что люди хотят кушать. Ваш идеальный неподкупный ОРАКУЛ заверит мой результат своей идеальной неподкупной подписью — и это будет самая чистая фальсификация в истории континента. Стерильная. Не к чему прикоснуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.